

4. London School of Economics. British Library of Political and Economic Sciences. S.P. Melgunov papers. A.A. Kizeveter letters.

5. *Стародубцев Г. С.* Международно-правовая наука российской эмиграции (1918—1939). М., 2000.

6. *Foigt G.* Zerstörte Hoffnungen. Das Ende des Russischen Wissenschaftlichen Instituts // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. — Berlin, 1996. — N.1. — S.77-98

7. London School of Economics. British Library of Political and Economic Sciences. S. P. Melgunov papers. V.A. Miakotin letters.

А. П. Павленко

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ 3-й АРМИИ РККА ПО ДАННЫМ ДОКЛАДА ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА АРМИИ ЗА АПРЕЛЬ 1919 г.

Ядром вооруженных сил является офицерский корпус. Комплектование армии хорошо подготовленным, опытным командным составом является одним из важнейших условий ее боеспособности, успешности ведения боевых действий. Большевики поняли это в ходе строительства Красной Армии.

3-я армия РККА была сформирована преимущественно из уральских частей. Она была создана директивой командующего войсками Восточного фронта, отданной 20 июля 1918 г. [1, с. 3]. В 1918-1919 гг. это оперативно-тактическое объединение принимало активное участие в боевых действиях на территории Вятки, Урала и Сибири против колчаковских войск.

В фонде Уральского истпарта Центра документации общественных организаций Свердловской области отложилась машинописная копия «Доклада политического отдела III Армии за апрель месяц 1919 года» [2, л. 147 — 202]. В числе рассматриваемых в источнике вопросов — состояние армии, настроения и дисциплина личного состава. Определенное место отводится характеристике комсостава частей 3-й армии.

В начале апреля 1919 г. 3-я армия еще продолжала отходить под нажимом войск А.В. Колчака, но к середине месяца фронт «более-менее прочно закрепляется». В рассматриваемое время части 3-й армии стояли на территории Вятской губернии [2, л. 158, 183]. К сожалению, выяснить численность комсостава 3-й армии в апреле 1919 г. пока не удалось. Во второй половине июня 1919 г. объединение имело 2694 чел. командного состава [3, с. 71].

За апрель 1919 г. отделом личного состава было зафиксировано пополнение из «офицеров пехоты 119, красных офицеров пехоты 51, артиллерии 13, кавалерии и пулеметчиков по 6, красных унтер-офицеров 24» (всего 219 чел.). В военный контроль в Москву были направлены сведения о 330 бывших офицерах «с точным указанием адресов их семей» [2, л. 150]. То есть эти семьи фактически находились в качестве заложников. Цель — добиться лояльности офицера-военспеца Советской власти и исключить возможность его перехода на сторону антибольшевистских сил [см.: 4, с. 334]

Отчет положительно характеризует командные кадры ряда частей 29-й стрелковой дивизии. 261-й Уральский полк — «командный состав из коммунистов, его взаимоотношения с красноармейцами хорошие». В 256-м Лесновско-Выборгском полку также «командный состав хорош». Во 2-м кавалерийском полку было и «настроение бодрое», и командиры были «на высоте положения» и имели хорошие отношения с красноармейцами [2, л. 163, 164].

254-й Камышловский полк — «командный состав хорош, но его не хватает». Однако политотдел тут же отмечал, что в полку «неважное настроение», часть начала разлагаться [2, л. 163]. Таким образом, «хороший» комсостав не сумел предотвратить падения дисциплины и боевого духа. В отчете не зафиксирован факт, что в 254-м полку были случаи избрания комсостава. Согласно сведениям совещания агитаторов и председателей полковых комитетов РКП(б) 29-й дивизии (состоялось 10 апреля 1919 г.), в 254-м полку на командные должности полковым комитетом партии выдвигались кандидаты, которые и утверждались приказом командования бригады [2, л. 48]. Выборность командиров в апреле 1919 г. рассматривалась в РККА как отклонение от нормы. Однако инерция традиций 1917—1918 гг. продолжала действовать.

Отдельно стоит выделить роту особого назначения 29-й дивизии. Словосочетание «офицерское подразделение» четко ассоциируется с Белым движением. Однако сведения рассматриваемого источника «наносит удар» по устоявшемуся стереотипу: рота особого назначения состояла из командного состава бывшего 62-го Ржевского полка, расформированного за отказ выполнить боевой приказ. В апреле 1919 г. рота была расформирована, а ее личный состав, «замазавший свою вину доблестным поведением на фронте», был направлен в другие полки на командные должности [2, л. 164].

В ряде частей 29-й дивизии отчет фиксирует проблемы с комсоставом. В 258-м Волынском полку отмечалось большое недовольство полковым командиром, который не бывает на позициях. В 255-м Рабоче-крестьянском полку у красноармейцев были «неважные» отношения с командирами, т.к. подчиненные приписывали им вину во всех неудачах.

В 257-м Петроградском полку в ходе боевых действий было «выбито много коммунистов и лиц командного состава», что сильно отразилось на состоянии части. В Запасном полку, согласно отчету, «комсостав не на высоте положения. Недавно за халатное отношение к делу смещен полковой командир» [2, л. 162 — 165].

В артиллерии 29-й дивизии ситуация с комсоставом также обстояла не лучшим образом: во 2-й коммунистической батарее у красноармейцев сложились неважные отношения и с командиром, «который таскается с бабами», и с большинством лиц комсостава. В 6-й легкой полевой батарее имели место азартные игры в среде командиров и части коммунистов [2, л. 166].

В 30-й стрелковой дивизии проблем, связанных с командными кадрами, было больше. Положительных характеристик командного состава частей этого соединения в источнике не содержится. Во 2-м Красноуфимском полку комсостав был «не весь на высоте положения». А боевой дух части после потери 40% красноармейцев и значительной части командиров значительно ухудшился [2, л. 168]. В 17-м Уральском полку было «бодрое настроение», но испытывалась нехватка комсостава. В отчете указывалось, что причины ряда неудач «ответственные работники полка видят в отсутствии достаточной связи между частями, выполняющими одну и ту же задачу» [2, л. 170]. Это тоже упрек в адрес командиров, которые не смогли наладить нормальное управление на поле боя. В батальоне связи 30-й дивизии имели место постоянные трения между комсоставом и партийными организациями, которые «сильно мешали нормальному ходу работы». Причем в этом деле политотдел армии встал на сторону командиров, а не политработников [2, л. 171].

В отчете отдельно был выделен Богоявленско-Архангельский полк 30-й дивизии как пример разлагающейся воинской части. Падение дисциплины сказалось и на комсоставе [2, л. 159]. Источник достаточно подробно описывает суть проблемы. «Командный состав не всегда удовлетворителен, особенно в 3-м батальоне, где неумение достаточно энергично отдавать боевые приказы и настоять на их исполнении приводит к невыполнению приказа» [2, л. 169]. Это показатель и невысокой компетентности командиров, и признак слабой дисциплины среди подчиненных. В 10-й роте имело место грубое нарушение дисциплины — комсостав «критиковал приказ высшего командования и тем подрывал к нему доверие красноармейцев» [2, л. 170]. Обсуждение приказов было распространенным явлением в 1917 г. При строительстве регулярной РККА большевики боролись с этим негативным явлением, но рецидивы случались. Также в полку всё время были «трения», вызванные тем, что некоторые командиры, в т.ч. комполка, имеют походных жен [2, л. 170].

В один ряд с Богоявленско-Архангельским полком поставлен 21-й Мусульманский полк Особой бригады [2, л. 159]. В отчете отмечается, что полк продолжает разлагаться, не исключая и командные кадры. Особо выделяются случаи самострелов: «командир 6-й роты проколол себе руку штыком, ... секретарь партийной ячейки 2-й роты прострелил себе руку». «Этому примеру следуют и рядовые красноармейцы, занимаясь самострелами и перебегая к врагу». Общая характеристика комсостава полка тоже отрицательная: он «не важен, авторитетом не пользуется» [2, л. 172 — 173].

В других частях Особой бригады также существовали проблемы с комсоставом. В 23-м Верхне-Камском полку командиры были «не на высоте положения», имели жен на фронте, причем жена комполка «даже распечатывала за мужа секретные бумаги и отдавала распоряжения». В 61-м полку комсостав «пьянствует», в Северном кавалерийском полку «командного состава не достаточно, а имеющийся неудовлетворителен» [2, л. 173].

В Белорецком полку Отряда особого назначения сложилась следующая картина: «командный состав — коммунисты, сжилась с красноармейцами, в бою храбр, но страдает недостатком знания военной техники» [2, л. 179].

В 3-й армии было соединение, которое рассматривало само себя как привилегированное. Это Бригада особого назначения при ВЦИК. Для нее были характерны черты, свойственные РККА в начальный период формирования и к апрелю 1919 г. уже отчасти изжитые. Ядро бригады составляли добровольцы, комсостав был большей частью выборный и позже утвержденный начальством. И красноармейцы, и командиры «не придавали значения дисциплине вне обстановки боя», считали ее «наследием старого режима». Отношение красноармейцев к выборным командирам было хорошее, но к вновь назначенным, из числа красных офицеров и беспартийных, подчиненные относились с некоторым недоверием [2, л. 176 — 177].

Политотдел пытался наладить работу среди командных кадров армейского резерва (преимущественно бывших офицеров), но успехов не добился. В отчете отмечалось: «Попытки ведения политработы неудачны не только из-за нежелания разговаривать на политические темы, но и по причине поразительной для относительно интеллигентных людей политической неграмотности и невежества» [2, л. 179].

Отдел личного состава армии проводил изучение комсостава, организовав анкетирование [2, л. 148]. Но в отчете данные исследования не приведены, вероятно, процесс сбора и обобщения сведений анкет не был завершен.

К сожалению, характеризуя состояние 3-й армии, отчет не упоминает о составе многих частей (четыре полка 29-й дивизии, шесть полков 30-й дивизии, два полка Особой бригады, Особый северный экспедиционный отряд). Это может быть вызвано тем, что в указанных полках отношения подчиненных и командиров были удовлетворительные, в апреле 1919 г. не произошло заметных эксцессов, качество командных кадров соответствовало ожидаемым требованиям. Поэтому, возможно, политработники и не стали акцентировать внимание на этих частях, сосредоточившись на проблемных.

Другие источники позволяют отчасти восполнить этот пробел. Согласно воспоминаниям адъютанта командира 253-го полка Красных олов 29-й дивизии Л.А. Дудина, красноармейцы этой части верили в своих командиров и предпочитали их назначаемым командованием бывшим офицерам [5, л. 92]. Различные источники свидетельствуют, что в Путиловском кавалерийском полку 29-й дивизии в первые месяцы 1919 г. процветало мародерство, а в феврале командир полка Бекетов вместе с командиром эскадрона и красноармейцами обвинялись в изнасиловании монахинь [2, л. 46; 6, л. 40, 49, 58 — 58 об.]. В отчете политотдела указывается на мародерство, но о роли в этом составе не говорится [2, л. 166]. Сам по себе этот факт свидетельствует как минимум о том, командиры попустительствовали своим подчиненным.

Рассматриваемый источник является очень информативным для изучения состояния состава 3-й армии, его дисциплины, отношений с подчиненными красноармейцами. Качество командных кадров в разных частях армии отличалось от хорошего до неудовлетворительного.

В отчете отражен процесс становления кадровой РККА. С одной стороны еще сохранялись элементы прежней армии (выборность командиров, слабая дисциплина), с другой стороны набирало обороты формирование вооруженных сил на регулярной основе, привлечение военспецов. Ряд проблем с командным составом в 3-й армии можно объяснить именно этим переходным периодом. Стоит отметить, что Восточный фронт отступал, терпя поражения, что негативно отражалось на дисциплине частей 3-й армии (и красноармейцев, и состава), на доверии подчиненных к своим командирам (особенно из числа бывших офицеров). Это недоверие ведет свою родословную еще с событий 1917 г. Также сказывался тот факт, что в рядах Белого движения было много офицеров. Это не могло не сказаться на отношении к военспецам в рядах РККА.

1. Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. Сб. док. / Сост. О.А. Бухаркина, Л.И. Кузнецова, А.Г. Сапожников, В.И. Старков, Н.В. Чулкова, Е.В. Шимонек. Екатеринбург, 2008.

2. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 375.
3. Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922 гг.). Сб. док. М., 1978. Т. 4.
4. Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001.
5. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 206.
6. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 489.

Н. А. Павлова

СОБЫТИЯ ОКТЯБРЯ 1917 г. В ВОСПОМИНАНИЯХ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ

По воспоминаниям рабочих, первые известия о событиях в Петрограде, которые вскоре назовут «Великим Октябрем», были получены в Пермском городском комитете 27 октября от Н.Г. Толмачева [1, л. 9]. Он связывал осуществление переворота с падением власти Временного правительства, разгромом меньшевиков и эсеров и с «переходом власти в руки рабочих!» [1, л. 9]. Рупор пермских большевиков — газета «Пролетарское знамя» — подчеркивала преемственность двух революций. По мнению рабочих-спецкоров данной газеты «результаты революции 26 февраля нашли выражение в октябрьском перевороте 25 — 28 октября 1917 г.». В номере от 31 октября сообщалось: «В Петрограде победила пролетарская и солдатская революция». Это «новая революция — революция рабочих и солдат» [2, с. 2]. Большевики приветствовали «победу пролетарско-крестьянской революции в Петрограде» [3, с. 1]. В заводских же поселках атмосфера была «электролизованой», «всюду шли переговоры о небывалых событиях».

По поводу событий октября 1917 г. праздника не получилось. В воспоминаниях замечали, что «в массах новая революция не вызвала того энтузиазма, который был в первые дни революции». Причина кроется, по мнению рабочего большевика, в «усталости масс от политики за восемь месяцев, когда буржуазное правительство душило наши революционные завоевания» [4, л. 72 — 73]. Хотя в крупных рабочих центрах «оживление было необычайное, газеты и листовки разбирались на расхват» [1, д. 377. л. 1].

У значительной части авторов со словами «Октябрьская революция» ассоциируются, скорее, с визуальными образами и оформлением: «трибуна украшена алыми знаменами и лозунгами: «Долой Временное правительство!», «Долой империалистическую войну!», «Да здравствует РСДРП», «Да здравствует Ленин» [5, л. 3]. В некоторых воспоминаниях рабочие восхищаются «Великим Октябрьским переворотом, великим делом Октябрьской революции». Рабочие «гор. Перми и завода Мотовилихи